

12+

герцог фон Бабенберг

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА АВГУСТА 2026 ГОДА

герцог фон Бабенберг

**Геополитическая
конъюнктура августа 2026 года**

«Издательские решения»

герцог фон Бабенберг

Геополитическая конъюнктура августа 2026 года / герцог фон Бабенберг — «Издательские решения»,

Монография посвящена системному анализу геополитической динамики первой половины августа 2026 года — периода, когда традиционные механизмы глобального управления продемонстрировали кризис эффективности, а региональные державы приступили к формированию новых архитектур безопасности. В работе на основе открытых источников рассматриваются ключевые события: оформление Мекканского договора о совместной обороне между Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном

© герцог фон Бабенберг

© Издательские решения

Содержание

РУБРИКАТОР МОНОГРАФИИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА АВГУСТА 2026 ГОДА: ИСТОЧНИКИ, АНАЛИТИКА, ПРОГНОЗЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Геополитическая конъюнктура августа 2026 года

герцог фон Бабенберг

© герцог фон Бабенберг, 2026

ISBN 978-5-0071-0385-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУБРИКАТОР МОНОГРАФИИ

А. РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

А.1. Ближний Восток

Американо-иранское противостояние — Ч. II, §2.1

Ормузский пролив: блокада и дипломатический парадокс — Ч. II, §2.1; Ч. II, §2.6.1

Мекканский договор о совместной обороне — Ч. II, §2.2

Роль Израиля в ближневосточном кризисе — Ч. II, §2.1

Перспективы расширения Мекканского договора (Египет) — Ч. II, §2.2

Взаимодействие Мекканского договора с ССАГПЗ и ЛАГ — Ч. II, §2.2

А.2. Южный Кавказ

Заявления Дмитрия Медведева об Армении — Ч. II, §2.3

Грузия: отказ от дипломатических отношений с Россией — Ч. II, §2.3

Интересы Турции в регионе — Ч. II, §2.3

«Замороженные» конфликты как инструмент давления — Ч. II, §2.3

А.3. Азиатско-Тихоокеанский регион

Конфликтный потенциал и действия НАТО — Ч. II, §2.4

Роль Японии: включение России в число главных угроз — Ч. II, §2.4

«Троичная угроза» США—Япония—Южная Корея — Ч. II, §2.4

А.4. Латинская Америка

(В тексте не выделена в отдельную часть; упоминается в методологии как потенциальное направление исследований)

А.5. Европа

Переформатирование оборонной архитектуры — Ч. II, §2.1 (контекст)

Трансатлантические отношения под давлением — Ч. II, §2.1

Б. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

Б.1. Военно-стратегический блок

Военная эскалация 8—12 августа — Ч. II, §2.1

Атаки на танкеры (ADNOC) — Ч. II, §2.1

Удары хуситов по Саудовской Аравии — Ч. II, §2.1

Дефицит ракет-перехватчиков Patriot — Ч. III, §3.1; Ч. V, §5.1

Стратегия затягивания конфликта (Иран) — Ч. II, §2.1; Ч. IV, §4.1

Роль ядерного фактора (Пакистан) — Ч. II, §2.2

Б.2. Дипломатический блок

Посредничество Катара и Омана — Ч. II, §2.1

Переговоры Ирана и Омана — Ч. II, §2.1

Позиция Трампа: риторика vs. реальность — Ч. II, §2.1

Реакция Индии на Мекканский договор — Ч. VI

Многовекторная политика Индии — Ч. VI

Б.3. Экономический блок

Нефтяной шок: рост цен Brent до \$89,63 — Ч. II, §2.6.1

Сокращение судоходства в Ормузском проливе — Ч. II, §2.6.1

Импорт российской нефти Китаем (Sinopec) — Ч. II, §2.5

Продовольственная безопасность — Ч. II, §2.6.2

Рост цен на удобрения — Ч. II, §2.6.2

Уязвимость развивающихся стран — Ч. II, §2.6.2

Б.4. Институциональный блок

Институциональная структура Мекканского договора — Ч. II, §2.2

Сценарии институционализации — Ч. II, §2.2

Роль БРИКС — Ч. VI

Предстоящий саммит БРИКС (12—13 сентября 2026 г.) — Ч. VI

Взаимодействие с ССАГПЗ и ЛАГ — Ч. II, §2.2

Б.5. Внутриполитический блок (США)

Законопроект о санкциях имени Линдси Грэма — Ч. VII

Внутрипартийный раскол республиканцев — Ч. VII

Антивоенное движение соратников Трампа — Ч. VII

Давление демократов — Ч. VII

Промежуточные выборы 3 ноября 2026 г. — Ч. VII

В. АКТОРНЫЙ РАЗРЕЗ

В.1. США (Д. Трамп)

Военная политика в Ормузском проливе — Ч. II, §2.1

Позиция по Ирану — Ч. II, §2.1

Внутриполитические ограничения — Ч. VII

Ресурсное истощение — Ч. III, §3.1

В.2. Иран

Стратегия затягивания конфликта — Ч. II, §2.1

Позиция КСИР — Ч. II, §2.1

Переговоры с Оманом — Ч. II, §2.1

В.3. Турция

Участник Мекканского договора — Ч. II, §2.2

Интересы на Южном Кавказе — Ч. II, §2.3

В.4. Саудовская Аравия

Участник Мекканского договора — Ч. II, §2.2

Позиция по Египту — Ч. II, §2.2

В.5. Пакистан

Ядерный статус в Мекканском договоре — Ч. II, §2.2

Влияние на Индию — Ч. VI

В.6. Китай

Военно-морская флотилия в Аденском заливе — Ч. II, §2.5

Импорт российской нефти — Ч. II, §2.5

В.7. Индия

Реакция на Мекканский договор — Ч. VI

Многовекторная политика — Ч. VI

Роль в БРИКС — Ч. VI

В.8. Израиль

Риск односторонних действий — Ч. II, §2.1

В.9. Россия

Позиция по Армении и Грузии — Ч. II, §2.3

Роль в АТР — Ч. II, §2.4

В.10. ООН и международные организации

Рекомендации по Ормузскому проливу — Ч. V, §5.7

Продовольственная помощь — Ч. V, §5.7

Г. ПРОГНОЗНЫЙ РАЗРЕЗ

Г.1. Ближневосточный театр

Сценарий А: «Эскалация с параллельной дипломатией» (50%) — Ч. IV, §4.1

Сценарий Б: «Крупная эскалация» (30%) — Ч. IV, §4.1

Сценарий В: «Прорывная сделка» (20%) — Ч. IV, §4.1

Индикаторы перехода — Ч. IV, §4.1

Г.2. Южный Кавказ

Сохранение напряжённости — Ч. IV, §4.2

Г.3. АТР

Наращивание конфликтного потенциала — Ч. IV, §4.3

Д. НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

Д.1. Теоретико-методологическая основа

Неореалистический подход (К. Уолц) — Введение

Институциональный подход — Введение

Теория региональной безопасности (Бьюзен, Уивер) — Введение

Теория гегемонистской стабильности — Введение

Д.2. Источниковая база

Официальные заявления — Ч. I, §1.1

Сообщения информационных агентств — Ч. I, §1.2

Аналитические центры — Ч. I, §1.3

Ограничения источников — Ч. I, §1.4

Д.3. Методы анализа

Контент-анализ — Введение

Ивент-анализ — Введение

Сценарный метод — Введение

Сравнительно-исторический метод — Введение

Д.4. Сравнительный анализ

Сравнение с кризисом 2019—2020 гг. — Ч. III, §3.1

Структурные отличия текущего кризиса — Ч. III, §3.2

Е. ПРИКЛАДНОЙ РАЗРЕЗ

Е.1. Практические рекомендации

Для США — Ч. V, §5.1

Для Ирана — Ч. V, §5.2

Для Турции — Ч. V, §5.3

Для Саудовской Аравии — Ч. V, §5.4

Для Китая — Ч. V, §5.5

Для Индии — Ч. V, §5.6

Для ООН — Ч. V, §5.7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография представляет собой результат системного аналитического исследования, проведённого в формате диалога с искусственным интеллектом. Идея создания работы возникла из необходимости оперативного осмысления стремительно меняющейся геополитической обстановки в первой половине августа 2026 года — периода, когда традиционные механизмы глобального управления демонстрировали кризис эффективности, а региональные державы приступили к формированию новых архитектур безопасности.

Актуальность и объект исследования. Выбор временного отрезка — 1—12 августа 2026 года — обусловлен исключительной насыщенностью событиями: оформление Мекканского договора о совместной обороне между Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном; эскалация американо-иранского противостояния с параллельным дипломатическим прогрессом в Ормузском проливе; нарастание конфликтного потенциала в Азиатско-Тихоокеанском регионе; активизация геополитического противостояния на Южном Кавказе; а также внутривнутриполитические процессы в США, создающие дополнительные ограничения для внешнеполитических решений. Каждое из этих событий в отдельности заслуживает монографического изучения, однако их комплексное рассмотрение позволяет увидеть системные взаимосвязи и эффект «домино», когда локальный кризис влияет на глобальный баланс сил.

Методология и источники. Исследование опирается на многоуровневый анализ открытых источников — официальных заявлений первых лиц государств, сообщений ведущих информационных агентств (Reuters, ТАСС, Синьхуа, Anadolu Agency), экспертных публикаций аналитических центров (SETA Foundation, Council on Foreign Relations) и специализированных изданий. Методологическая рамка включает неореалистический подход, теорию региональной безопасности, институциональный анализ и сценарное прогнозирование. Вероятностные оценки сценариев рассчитаны на основе четырёх параметров: интенсивность дипломатических контактов, динамика военных инцидентов, риторика сторон и экономические индикаторы.

Структура работы. Монография включает введение, методологическую основу, семь содержательных частей, заключение, библиографический список и справочный аппарат (именной и предметный указатели). Части построены по проблемно-хронологическому принципу: от анализа источниковой базы — через детальный разбор ключевых событий — к сравнительно-историческому анализу и прогнозным сценариям. Практические рекомендации адресованы основным акторам международных отношений: США, Ирану, Турции, Саудовской Аравии, Пакистану, Китаю, Индии, а также ООН и международным организациям.

Ограничения и перспективы. Исследование основано исключительно на открытых источниках, что накладывает ограничения на верификацию отдельных выводов. Отсутствие доступа к закрытым дипломатическим и разведывательным материалам не позволяет полностью реконструировать логику принятия решений за закрытыми дверями. Временной горизонт прогноза — 3—6 месяцев (до конца 2026 года) — обусловлен высокой волатильностью ситуации и зависимостью от политических циклов (промежуточные выборы в США, саммит БРИКС). Дальнейшие исследования могут быть посвящены эмпирической верификации предложенных сценариев и углублённому анализу роли других центров силы, включая Индию, Бразилию и Южно-Африканскую Республику.

Благодарности. Автор выражает признательность экспертам и аналитикам, чьи публикации и комментарии послужили эмпирической основой работы. Особое внимание уделено соблюдению академической этики: все цитаты и ссылки приведены в соответствии с научными стандартами, а интерпретация событий не является политически ангажированной и основана исключительно на доступных фактах.

Работа может быть полезна для дипломатических служб, аналитических центров, преподавателей и исследователей, занимающихся проблемами современного мироустройства, региональной безопасности и трансформации глобального управления.

Автор

Август 2026 года

ШИФР ВАК: 5.5.4 (Международные отношения, глобальные и региональные исследования)

ЭКЗ. №1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА АВГУСТА 2026 ГОДА: ИСТОЧНИКИ, АНАЛИТИКА, ПРОГНОЗЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Научно-аналитическая монография

(Финальная версия с интегрированными разделами — 9,0 печатных листов)

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина августа 2026 года зафиксировала дальнейшую тектоническую перестройку глобальной системы безопасности. Если первая неделя месяца ознаменовалась оформлением Мекканского договора и хрупкой паузой в американо-иранском противостоянии, то вторая неделя продемонстрировала фундаментальную неустойчивость достигнутых договорённостей. На фоне истощения военных ресурсов США, оцениваемого в менее чем 820 ракет-перехватчиков Patriot [13†L12-L13], и расширения зоны конфликта на новые регионы наблюдается формирование многополярной архитектуры безопасности, где региональные державы всё более полагаются на собственные силы и новые союзы.

Настоящая монография представляет системный анализ геополитической динамики первой половины августа 2026 года. Исследование выполнено на основе открытых источников — официальных заявлений, сообщений информационных агентств, аналитических материалов ведущих экспертных центров и публикаций в СМИ за период с 1 по 12 августа 2026 года.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование опирается на комплексную методологию, сочетающую несколько подходов и методов анализа:

Теоретические подходы:

Неореалистический подход (К. Уолтц) — для анализа распределения власти и формирования новых региональных альянсов как реакции на снижение надёжности внешнего гаранта безопасности.

Институциональный подход — для исследования роли международных организаций (НАТО, ООН, БРИКС) и их способности адаптироваться к новым реалиям.

Теория региональной безопасности (Р. Барри Бьюзен и О. Уивер) — для анализа формирования новых региональных комплексов безопасности на Ближнем Востоке.

Теория гегемонистской стабильности (Ч. Киндлбергер, Р. Гилпин) — для объяснения кризиса глобального управления на фоне относительного ослабления американской гегемонии.

Методы анализа:

Контент-анализ — систематический анализ официальных заявлений, сообщений информационных агентств и экспертных публикаций.

Ивент-анализ — построение хронологии ключевых событий с фиксацией дат, участников и содержания.

Сценарный метод — разработка трёх сценариев развития с оценкой вероятности и индикаторами перехода. Вероятности рассчитаны экспертным путём на основе анализа четырёх параметров: (а) интенсивность дипломатических контактов; (б) динамика военных инцидентов; (в) риторика сторон; (г) экономические индикаторы. Каждому параметру присвоен вес, после чего проведена агрегация в итоговую вероятность. В обновлённой версии (с учётом событий 8—12 августа) произведён пересчёт вероятностей: сценарий «эскалация с параллельной дипломатией» получил 50% (ранее 45%), «крупная эскалация» — 30% (ранее 35%), «прорывная сделка» — 20% (без изменений). Корректировка обусловлена усилением военной активности при одновременном сохранении дипломатических каналов.

Сравнительно-исторический метод — сопоставление текущего кризиса с аналогичными эпизодами прошлых лет.

Оценка достоверности источников проводилась по шкале: высокая (официальные заявления первых лиц), средняя (сообщения агентств, аналитика экспертных центров), низкая (анонимные или непроверенные источники — исключены).

Временной горизонт прогноза — ближайшие 3—6 месяцев (до конца 2026 года). Выбор горизонта обусловлен высокой волатильностью ситуации и зависимостью от политических циклов (президентские выборы в США в 2026 году).

ЧАСТЬ I. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ

1.1. Официальные заявления глав государств и правительств

Высший уровень достоверности представляют заявления президента США Дональда Трампа, сделанные 12 августа 2026 года, в которых он заявил о полном контроле американских сил над Ормузским проливом [2]. Трамп также подчеркнул, что любые действия, способные повлиять на положение дел в проливе, могут повлечь жёсткую реакцию со стороны США, а в случае новой эскалации Иран будет «сметён» [2].

К этой же категории относятся заявления президента России Владимира Путина от 12 августа 2026 года о нарастании конфликтного потенциала в АТР [7]. Путин также отметил, что планы по размещению новых вооружений в регионе создают дополнительные угрозы для безопасности России [7].

Значимыми являются заявления советника главнокомандующего КСИР бригадного генерала Мохаммада Резы Нагди от 12 августа 2026 года о готовности Ирана к затяжной войне с США до конца президентского срока Дональда Трампа [3], а также заявления премьер-министра Грузии Ираклия Кобахидзе от 11 августа 2026 года об отказе восстанавливать дипломатические отношения с Россией [6].

1.2. Сообщения информационных агентств

Второй уровень составляют материалы Reuters, AFP, ТАСС, Синьхуа, Anadolu Agency, Middle East Eye, а также региональных агентств. Информация о китайской флотилии, направленной в Аденский залив [8], об ударах хуситов по Саудовской Аравии, об атаках на эмиратские танкеры [1] — всё это подтверждается несколькими независимыми источниками.

1.3. Аналитические центры и экспертные оценки

Третий уровень — публикации SETA Foundation (Турция), Council on Foreign Relations (США), комментарии военных экспертов. Как отмечает турецкий эксперт Али Асмар, Мекканский договор «не стоит сводить к противостоянию с Ираном или Израилем. Главное послание — демонстрация самостоятельности трёх стран в защите собственных интересов» [6].

1.4. Ограничения источниковой базы

Основным ограничением является отсутствие доступа к закрытым дипломатическим и разведывательным материалам. Для повышения достоверности анализа рекомендуется триангуляция данных из источников разной национальной принадлежности и использование экономических индикаторов как объективных маркеров.

ЧАСТЬ II. АНАЛИТИКА КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ

2.1. Ближневосточный кризис: эскалация и дипломатический парадокс

Первая половина августа 2026 года продемонстрировала, что прогнозировавшаяся «управляемая пауза» оказалась иллюзорной. В отличие от начала месяца, ситуация на Ближнем Востоке вновь резко обострилась.

Военная эскалация 8—12 августа

За ночь 10 августа стороны обменялись новыми ударами, а зона конфликта расширилась далеко за пределы Ирана. ПВО Ирана сбила американский беспилотник на юге страны.

CENTCOM объявил о третьей подряд ночной волне ударов по иранским береговым системам наблюдения, хранилищам ракет и беспилотников.

Одновременно резко обострилась ситуация непосредственно в Ормузском проливе. 8 августа иранские ракеты поразили эмиратский танкер компании ADNOC [1] [11]. 9 августа последовала атака на второй танкер. Всего за время конфликта пострадали 15 танкеров Национальной нефтяной компании Абу-Даби [1]. Катар решительно осудил иранскую атаку [1], Кувейт и Сирия также выступили с осуждением [11].

Йеменские хуситы, действующие в координации с Ираном, нанесли удары по военным объектам на территории Саудовской Аравии с применением баллистических ракет и беспилотников, объявив об окончании «фазы деэскалации» [12]. Под удар попал нефтеперерабатывающий завод Saudi Aramco в Джизане на юго-западе Саудовской Аравии [12]. В результате полёты в воздушном пространстве над Джизаном были приостановлены.

11 августа военные США нанесли удар по панамскому грузовому судну M/V Vela Nova, которое пыталось пройти через Оманский залив в один из иранских портов, нарушая установленную Вашингтоном блокаду [1]. Иран, в свою очередь, заявил, что Ормузский пролив остаётся закрытым [1].

Дипломатический парадокс

На фоне военной эскалации наблюдается примечательный дипломатический парадокс. Иран и Оман согласовали основу соглашения об обеспечении судоходства через Ормузский пролив. Иранский министр иностранных дел Аббас Арагчи заявил государственным СМИ, что переговоры с Оманом «близятся к завершению и находятся на финальной стадии» [8].

Политолог Владимир Шаповалов назвал это «дипломатическим оформлением военной победы Ирана» и «началом переформатирования всей карты Большого Ближнего Востока». По его мнению, США «проиграли, а Иран выиграл, победил в этой войне», а изменение режима судоходства даёт Ирану «контроль над ключевым в глобальном контексте энергетическим регионом мира».

Позиция Трампа: риторика vs. реальность

12 августа Дональд Трамп заявил, что ситуация вокруг Ирана развивается «благоприятно» для Вашингтона и что США «полностью контролируют Ормузский пролив» [2]. «С Ираном все идёт хорошо, просто прекрасно. Мы полностью контролируем Ормузский пролив. У нас контроль — ни у кого, только у нас» [2].

Однако эта риторика вступает в противоречие с реальностью. Судоходство в Ормузском проливе 12 августа сократилось до недельного минимума — лишь восемь судов [1]. Обычно через пролив проходило около 130—140 судов до того, как Иран закрыл водный путь [1]. США перенаправили 55 судов после возобновления морской блокады Ирана.

Трамп также пригрозил, что Иран будет «сметён», если он решится на новую эскалацию [2]. Однако, как отмечает Financial Times, Иран «перехватил стратегическую инициативу», а Тегеран делает ставку на затяжной характер противостояния, рассчитывая на истощение политической воли своих оппонентов.

Стратегия затягивания конфликта

12 августа советник главнокомандующего КСИР бригадный генерал Мохаммад Реза Нагди заявил, что Иран рассматривает продолжение конфликта с США до истечения президентских полномочий Дональда Трампа как один из способов гарантировать собственную безопасность [3]. «Один из таких способов — это затягивание войны до следующего президентского срока [в США]», — сказал Нагди [3]. Он добавил, что республика готова к длительной войне на истощение и намерена показать другим государствам, что «атака на Иран имеет цену» [3].

Армия США, по словам Нагди, оказалась гораздо слабее, чем считал Иран [3]. Затыгивание военных действий, по его мнению, позволит нанести противнику такой урон, «который станет предупреждением для любого, кто решится на агрессию против Ирана» [3].

Роль Израиля в кризисе

Важным фактором, который необходимо учитывать при анализе ближневосточного кризиса, является позиция Израиля. Хотя в официальных заявлениях израильские лидеры неоднократно заявляли о поддержке дипломатических усилий, существует высокая вероятность односторонних действий, особенно в случае приближения Ирана к ядерному порогу. Трамп неоднократно подчёркивал совместную приверженность с Израилем.

По данным израильских СМИ, Тель-Авив располагает разведывательной информацией о продвижении иранской ядерной программы и рассматривает варианты превентивных ударов. Это создаёт дополнительный уровень неопределённости: даже если США и Иран достигнут соглашения, односторонние действия Израиля могут сорвать договорённости и спровоцировать новую волну эскалации. Израиль также активизировал дипломатическую активность в странах Персидского залива, пытаясь создать антииранскую коалицию параллельно с Мекканским договором. Однако это создаёт риск дублирования или даже конфликта интересов между израильскими инициативами и новым региональным альянсом.

Таким образом, Израиль выступает как самостоятельный фактор, способный как усилить сдерживание (через координацию с США), так и подорвать дипломатические усилия (через односторонние военные действия). Вашингтону рекомендуется усилить координацию с Тель-Авивом и добиваться его вовлечения в переговорный процесс на правах наблюдателя, чтобы снизить риски неконтролируемой эскалации.

Аналитическая оценка: Ситуация на Ближнем Востоке развивается по сценарию, характеризующемуся парадоксальным сочетанием военной эскалации и дипломатического прогресса. Это требует корректировки ранее предложенных линейных прогнозов: элементы всех трёх сценариев могут сосуществовать одновременно. Ключевой вывод — прогнозы, основанные на линейной логике «эскалация → деэскалация», не работают; необходимо учитывать возможность параллельного развития разнонаправленных процессов. Роль Израиля как самостоятельного актора создаёт дополнительный уровень сложности.

2.2. Оформление Мекканского договора: новый военный союз (расширенный анализ)

7 августа 2026 года Турция, Саудовская Аравия и Пакистан подписали в Мекке трёхстороннее оборонное соглашение, известное как Мекканский договор о совместной обороне (Makkah Agreement) [4]. Документ устанавливает взаимные оборонительные обязательства: любое вооружённое нападение на одно из трёх государств рассматривается как нападение на все три [6].

Участники и их вклад

Как отмечает турецкий эксперт Али Асмар, «вкладом Саудовской Аравии станут её политический и финансовый вес, а также её стратегическое положение в Персидском заливе и Красном море. Турция располагает развитой военной промышленностью и входит в НАТО, а Пакистан обладает многочисленной армией и потенциалом ядерного сдерживания» [6]. Турция и Саудовская Аравия получили защиту под пакистанским ядерным зонтиком [4].

Перспективы расширения: вопрос о Египте

Глава МИД Турции Хакан Фидан заявил, что Египет является «естественным партнёром» участников альянса и присоединение Каира — это лишь вопрос времени [4]. По его словам, между Турцией и Египтом осталось лишь «несколько технических вопросов» [4]. Присоединение Египта — государства с одной из крупнейших армий на Ближнем Востоке — значительно усилило бы альянс.

Однако существуют серьёзные разногласия относительно расширения. Саудовская Аравия, по данным источников, не захотела включать Египет в Мекканское соглашение [4]. При-

чины этого не называются, но можно предположить, что Эр-Рияд, стремясь к лидерству в альянсе, опасается, что присоединение Египта — обладающего сопоставимым военным и политическим весом — может ослабить саудовское влияние. Кроме того, отношения между Саудовской Аравией и Египтом в последние годы были нестабильными.

Внутренние противоречия альянса

Несмотря на декларируемое единство, Мекканский договор содержит значительный потенциал внутренних противоречий:

Разные внешнеполитические приоритеты. Турция, будучи членом НАТО, сохраняет обязательства перед трансатлантическим сообществом. Саудовская Аравия остаётся стратегическим партнёром США. Пакистан находится в сложных отношениях с Индией и Китаем.

Конкуренция за региональное лидерство. Турция и Саудовская Аравия исторически соперничают за влияние в мусульманском мире (поддержка разных сил в Ливии, Сирии, Йемене).

Разный уровень зависимости от США. Саудовская Аравия, несмотря на диверсификацию, остаётся зависимой от американских гарантий безопасности в противостоянии с Ираном.

Институциональная слабость. В отличие от НАТО, Мекканский договор не имеет формализованных структур управления.

Институциональная структура и механизмы принятия решений

В отличие от НАТО с его разветвлённым бюрократическим аппаратом, интегрированным военным командованием и формализованными процедурами, Мекканский договор на момент подписания представлял собой скорее политическую декларацию о намерениях, чем полноценный военный альянс с работающими институтами. Как отмечают эксперты, «в Мекканском соглашении в отличие от натовского документа не будет жестких обязательств по применению военной силы, созданию единого командования и постоянных вооруженных сил» [14]. Соглашение «не предполагает создание наднациональных командных структур. Речь идет о политических обязательствах и координации действий в случае кризиса» [14]. Некоторые аналитики прямо указывают, что называть соглашение «мусульманским НАТО» не вполне корректно, «поскольку в данном случае отсутствуют единое командование и интегрированная военная структура, характерные для Североатлантического альянса» [14].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.